

18+

Анна Пейчева

**ВЛЮБЛЕННЫЕ РОМАНОВЫ:
ДРАМЫ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ**

ЭПОХА
РОМАНОВЫХ

Анна Пейчева

**Влюбленные Романовы:
драмы великих князей.
Серия «Эпоха Романовых»**

«Издательские решения»

Пейчева А.

Влюбленные Романовы: драмы великих князей. Серия «Эпоха Романовых» / А. Пейчева — «Издательские решения»,

В семье Романовых кипели страсти. Царевна пряталась от дикого герцога за кулисами придворного театра; царский внук пилил дрова в наказание за страсть к куртизанке; дочь императрицы проклинала любимого, задыхаясь в темнице Петропавловской крепости... У каждой великой княжны, каждого великого князя была своя история любви. Зачастую — трагичная. Трон отбрасывал тень на жизнь всех родственников правителей. Благородная фамилия принесла немало страданий нашим героям.

© Пейчева А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Незадачливый жених Вальдемар в плену у русского царя Михаила	8
Царь Михаил	10
Жених и невеста	13
Противостояние	16
Развязка	17
Царевна-театралка Наталья Алексеевна и ужасные мужчины вокруг нее	19
Грустные вечера в Комедийной хоромине	21
Несостоявшийся жених Меншиков	22
Несостоявшийся жених Карл XII	26
Племянник вместо сына, декорации вместо замков	29
Развеселый крепостной театр «дикой герцогини» Екатерины Ивановны	31
Измайловская искорка	33
Замуж за «дикого герцога»	34
Домашний театр	37
Память в Росток	38
Пестрая судьба принцессы Анны	41
«Привенчанные» принцессы	42
Обратная сторона жизни во дворце	43
Две сестры — веселушка и умница	45
Почти императрица	46
Почти счастлива в семейной жизни	49
Почти Ромео и Джульетта — Александр Меншиков-младший и великая княжна Наталья	52
Тяжелое детство	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Влюбленные Романовы: драмы великих князей Серия «Эпоха Романовых»

Анна Пейчева

© Анна Пейчева, 2026

ISBN 978-5-0059-6696-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Великая княгиня Ксения Александровна, дочь императора Александра III, и ее возлюбленный — великий князь Александр Михайлович, более известный как Сандро. Их история любви стоит особняком в драматичной летописи династии Романовых.

От автора

Вертопрахи и художницы, поэты и светские львицы, авантюристы и театралки... Романовы были очень разными — но как же им всем не везло в любви! Счастливые браки были исключением, взаимная симпатия — огромной редкостью.

Все потому, что дела сердечные входили в конфликт с государственными интересами.

«Положение обязывает» — эти слова стали семейным проклятием Романовых.

Женились не потому, что любили, а потому что так было лучше для страны.

Дети, сестры, даже братья императоров были всего лишь пешками в большой политической игре. Свадьбы великих княжон и великих князей меняли расстановку сил на карте мира. А потому женихи и невесты для представителей царской семьи подбирались с превеликой тщательностью. Государь, советуясь с министрами, просчитывал все возможные последствия той или иной матримониальной партии.

*«Теперь... да в полмя из огня:
Тот нищий, этот фронт-приятель;
Отъявлен мотом, сорванцом;
Что за комиссия, Создатель,
Быть взрослой дочери отцом!»¹*

¹ А. С. Грибоедов «Горе от ума».

Император Александр III с дочерьми: Ольгу держит на руках, Ксения стоит рядом. Обе великие княжны еще появятся на страницах этой книги.

Но люди — не деревянные фигурки, они порой совершают непредсказуемые поступки. И все предварительные расчеты рассыпались в пыль перед лицом настоящей — неудобной, неправильной, опасной — ураганной любви.

В этой книге мы с вами познакомимся с яркими персонажами, имевшими несчастье родиться Романовыми — или влюбиться в одного из них.

Истории следуют в хронологическом порядке, от первого царя Михаила Федоровича до последнего — Николая II. Мы увидим, что за три с лишним века правления Романовых их отношение к неравным бракам по любви так и не поменялось. Быть может, это нежелание идти в ногу со временем и послужило одной из причин падения династии?

Биографии героев дополнены интересными иллюстрациями, позволяющими полностью погрузиться в атмосферу золотых столетий российской истории.

Незадачливый жених Вальдемар в плену у русского царя Михаила

Принц Вальдемар Кристиан, граф Шлезвиг-Гольштейнский (1622—1656) — сын датского короля Кристиана IV и его морганатической супруги Кирстен Мунк

Задумал царь Михаил с европейскими королями породниться. Присмотрел для своей дочери жениха — молодого принца Вальдемара Датского. Всем хорош королевич, кроме одного — воспитан в лютеранстве. Но с этим недостатком, торжественно заявил царь Михаил, мы готовы смириться. Вальдемар прибыл в Москву на собственную свадьбу — и очутился в ловушке. Будущий тесть запер принца в Кремле и отказался выпускать, пока тот не примет православие. И жениться не давал при этом. Полтора года провел Вальдемар в царском плену, ни на минуту не теряя присутствия духа. Перед нами — поразительная история о самообладании и смелости датского рыцаря.

Царь Михаил

Дело было в семнадцатом веке, когда Романовых еще никто не принимал всерьез. Совсем недавно закончилась Смута, страна лежала в руинах. Михаил Федорович был первым Романовым на русском троне, и европейские соседи предполагали, что сидеть ему на престоле недолго — слишком слаб физически и политически. Михаил и сам это понимал, поэтому сватался ко всем незамужним западным принцессам, чтобы укрепить свой статус. Но все королевны ему отказывали, и в итоге царь женился на русской боярышне из простой семьи.

Время шло, и Михаил сумел завоевать авторитет в глазах иностранных коллег. Спустя тридцать лет царь вновь заслал в Европу сватов — теперь уже для своей дочери Ирины. На этот раз датский король Кристиан IV был более сговорчивым. Он дал согласие на брак своего сына Вальдемара, графа Шлезвиг-Гольштейнского, с русской царевной, но при одном условии — королевич останется лютеранином. Михаил был так рад предстоящей свадьбе, что с легкостью поклялся: «В вере неволи не будет королевичу». Государь дал слово, что Вальдемара никто не станет принуждать к переходу в православие, более того, для него в Москве построят отдельный лютеранский храм — «кирку». Принцу были обещаны сундуки с червонцами и драгоценными камнями и полцарства в придачу — большие города Суздаль и Ярославль, а если доходов с них будет недостаточно, то граф сможет взять еще сколько захочет русских поселений.

Царь Михаил Федорович (1596—1645)

Любопытен брачный договор, который заключили между собой Кристиан IV и царь Михаил:

«1. Его Графской Милости и людям его из-за Вероисповедания не будет никакого принуждения; о месте же, где бы можно было построить кирку, надобно будет потолковать с Послами Короля, которые приедут в Москву с Графом.

2. Все лица, высшего и низшего, духовного и светского звания будут содержать Его Графскую Милость в Княжеском почете, а Его Царское Величество и Царевич станут оказывать ему великую честь, как Королевскому сыну и своему зятю, и никого не будет выше его, кроме Царя и его сына.

3. Его Графской Милости и будущей его супруге, дочери Его Царского Величества, также обоюдным их законным наследникам, Царь уступает на вечные времена, в личную и потомственную собственность, без всяких препятствий, два больших города, Суздаль и Ярославль, со всеми духовными и светскими принадлежностями; желает, впрочем, чтобы и поместья Его Графской Милости под властью Датской Короны были в вечном наследственном владении обоих супругов. Сверх того, Его Царскому Величеству угодно еще сделать прибавку и дать в приданое за дочерью в платьях, драгоценных камнях и чистых деньгах 300 тысяч рублей или 600 тысяч червонцев.

4. На случай, если доходов с Суздаля, Ярославля и со всех принадлежностей к ним, не станет на покрытие всех расходов и на жалованье придворному штату, Царь прикажет прибавить еще больше городов и деревень, пока не будет вполне достаточно.

5. Царь предоставляет свободу Его Графской Милости в содержании и одежде его Двора, по Его желанию и усмотрению, и если кому-нибудь из людей Графа не захочется оставаться в земле Царя, или же кто-нибудь пожелает поступить на службу к Графу, то никому не будет в том помехи, а всем еще оказана будет Царская милость; когда же приедут с Графом Послы Его Королевского Величества, тогда Царю угодно будет все вообще и в частности скрепить крестным целованием и утвердить на вечный союз».

И закипела в Москве подготовка к приему высоких гостей. В Кремле для Вальдемара были возведены трехъярусные хоромы с крытым ходом в царские палаты. Навстречу датскому кортежу отправились царские советники, нагруженные соболями, золотой и серебряной посудой, парчой, бархатом и атласом. В подарок королевичу были изготовлены «крытые сани, снаружи выложенные по краям бархатом, золотом и серебром, да еще другие открытые, обитые красным сукном». В столице намечалось невиданное торжество.

Жених и невеста

Датскому королевичу было всего 22 года, но он уже успел заявить о себе как о выдающейся личности. Его знали во всей Европе. Отец доверял Вальдемару самые тонкие дипломатические миссии во Франции, Италии, Англии, Швеции. По описанию русских послов, королевич «волосом рус, ростом не мал, собою тонок, глаза серые, хорош, пригож лицом, здоров и разумен, умеет по латыни, по-французски, по-итальянски, знает немецкий верхний язык, искусен в воинском деле». Сопровождавший его переводчик Вильям Барнсли сообщал в Посольский приказ, что принц «учился у него, Вилима, русскому языку и по-русски многую речь перенял и помнит», причем «говорит гораздо чисто». Матерью Вальдемара была графиня Кирстен Мунк, а не королева, поэтому прав на датский престол принц не имел и мог переехать на постоянное место жительства в другую страну.

А что же Ирина? Что известно о царевне, из-за которой все это и началось? Увы, информации о ней почти никакой нет, кроме того, что на момент сватовства ей было 17 лет. Царские дочери воспитывались в тереме, их учили вышивать и читать. Портретов с них не писали — чтобы дурные люди не сглазили. По этой же причине царевен никто никогда не видал, кроме самых близких бояр. Принцу невесту не показали, как он ни просил.

Боярыня (худ. К. Маковский, 1885)

Писатель-историк Всеволод Сергеевич Соловьев рассказывает: «Главное же, что сердило Вальдемара, он не только не увидел никакой царевны, но не разглядел даже ни одной московской женщины. Во время его прогулок по городу ему попадались только совсем неинтересные фигуры старух. Правда, иной раз мимо него прокатывались какие-то безобразные рыдваны,

и в этих рывданах помещалось что-то таинственное, но что именно, того никак нельзя было разобрать, так оно было закутано ревнивой фатой».

Датский летописец передает слова русских бояр, которые расхваливали Вальдемару его будущую жену: «Пожалуй еще, Его Графская Милость приходит в раздумье на счет того, что Царевна, по Московской повадке, подобно другим женщинам, не часто ли напивается в волю и допьяна? Так совсем нет: она живет трезво, да и во всю свою жизнь не больше одного раза была выпивши, девушка она умная и рассудительная».

Вальдемар был смелым юношей и решил рискнуть — жениться не глядя, надеясь, что под фатой окажется красавица, а не чудовище.

Противостояние

Сперва все шло хорошо. Михаил встретил Вальдемара тепло и радостно, познакомил со своим сыном, царевичем Алексеем. Как сообщает датский летописец, «Царь принял Графа с очень ласковыми движениями и объятиями, посадил его по правую сторону от себя на свое позолоченное седалище, так что сам сидел в середине, одетый в пышное платье, в венце, выложенном великолепными дорогими камнями, и со скипетром в руке, направо от него Граф, а налево Царевич».

Однако через два дня начались проблемы. Михаил как будто между делом упомянул, что перед венчанием Вальдемар должен креститься, чтобы «исповедовать одну веру с Царем, сделать ему угодное и приятное, да и во всяком случае полезное дело». Принц решил, что это неудачная шутка. Царь сказал, что никакой свадьбы не будет, пока королевич не перейдет в православие. Вальдемар воскликнул: «Какая дурная молва пойдет про Его Царское Величество, и какой чувствительный позор и унижение нанесены будут Короне и Государству Дании и Норвегии, если станут поступать так вопреки договору и требовать того, на что еще прошлым годом Царь получил отрицательный ответ чрез своего Посла!» Михаил заявил, что он от своих обещаний не отказывается, но вот если бы принц сам захотел сменить веру...

Вальдемар отказался наотрез. Он попытался сообщить о происходящем отцу. Однако графских гонцов даже не выпустили из Кремля — под тем предлогом, что «это делается для защиты и безопасности Его Графской Милости, по случаю наступающего праздника Благовещения, когда происходит много скоморошества и все напиваются допьяна». Местным жителям запретили общаться с датчанами. Вальдемар понял — с будущим тестем не договориться.

Принц решил сбежать из Москвы и вернуться на родину. Но не тут-то было! На Тверских воротах Вальдемара со свитой остановили хмельные стрельцы. Завязалась схватка, шестерых ранили. Кто-то из датчан пронзил стрельца шпагой насмерть. Но сопротивление было бесполезно — принца и остальных членов делегации вернули в Кремль. Царь потребовал, чтобы Вальдемар «казнил смертью» виновного в убийстве стрельца. Вальдемар заявил, что стрельца заколол он сам. Царь оставил инцидент без последствий.

Датский летописец рассказывает: «Граф считал это взятие под стражу больше чем бесчестьем, упомянув при том, что, сравнительно с другими поступками, на это нельзя еще смотреть так высоко, тем более, что Граф уже привык к тому, чтобы ему не делали ничего другого, кроме противоречий, несправедливостей и насилия. Канцлер отвечал в таких именно словах: Его Царское Величество делает ему всякое добро и удовольствие, а не то что огорчение и насилие. Если бы хотел он причинить Графу насилие, то легко бы имел возможность, и тогда поступил бы с ним иначе». После этого, сообщает летописец, «пошли такие насилия, что просто на удивление».

Начались долгие переговоры. Королевич шел на любые уступки: не требовал, чтобы Ирина перешла в лютеранство, был готов будущих детей крестить по православному обычаю, блюсти посты, одеваться в русское платье. Но насчет главного вопроса твердил: «Веры своей переменить не могу, потому что боюсь преступить клятвы отца моего».

Патриарх крепко взялся за перевоспитание королевича, писал ему письма «чуть не в 48 сажен, с пустою, бесполезною болтовней», как говорил сам принц. Вальдемар вызвал его на диспут о вере, сердито заявив: «Я сам грамотен лучше всякого попа, Библию прочел пять раз и всю ее помню». Королевич настолько виртуозно дискутировал со своими оппонентами, что на следующий раунд царь уже не пришел.

Развязка

Так и тянулась эта канитель, и неизвестно, сколько бы еще она продолжилась, и мог ли датский король объявить войну России за незаконное удержание принца в заложниках, — как вдруг царь Михаил скончался. Его преемник, Алексей Михайлович, поспешно выпустил Вальдемара из-под стражи и отправил домой с богатыми дарами и извинениями за причиненные неудобства.

Въезд иностранного посольства в Москву XVII века (худ. Ю. Кузач, 1945)

Царевна Ирина так никогда и не вышла замуж, прожила до 51 года и ничем особенным не отличилась. Переехала в деревню, где разводила сады, устраивала пруды, строила монастыри и помогала старообрядцам.

Вальдемар же закончил свою яркую жизнь, как и подобает рыцарю, — в бескомпромиссном бою. В Дании ему было скучно, поэтому принц отправился на поиски новых приключений — сначала поступил на военную службу к австрийскому императору, потом к шведскому королю. В возрасте 33 лет бывший жених русской царевны погиб в сражении при Люблине.

Принц Вальдемар в 1650 году

Царевна-театралка Наталья Алексеевна и ужасные мужчины вокруг нее

Царевна Наталья Алексеевна (1673—1716) — любимая родная сестра Петра I, дочь царя Алексея Михайловича и Натальи Нарышкиной

Сестра Петра I была слишком хороша для жестокого восемнадцатого века. У Натальи Алексеевны была нежная творческая душа. Больше всего на свете царевна любила театр. Ей бы родиться в следующем столетии — Наталья была создана для романтики и красивых ухаживаний. Но принцесса жила в эпоху грубых нравов, а судьбой ее распоряжался самый буйный

мужчина страны — царь Петр. Брат окружил Наталью своими необузданными друзьями и едва не выдал замуж за своего злейшего врага — столь же яростного, как и сам Петр.

Грустные вечера в Комедийной хоромине

Главным театралом России до рождения Натальи был ее отец, Алексей Михайлович. Он бы вам наверняка понравился при встрече — большой затейник и весельчак, но при этом весьма набожный и добросердечный. Алексей Михайлович еще в молодости загорелся идеей «учинить комедию» в Москве, но церковники его отговаривали, называли театр «бесовской игрой» и «пакостью душевной». В конце концов царь нашел мощный аргумент — привел в пример византийских императоров, равнодушных к пьесам. Патриарх скрепя сердце дал согласие, и в 1672 году в любимой резиденции Алексея Михайловича — уютном Преображенском — застучали молотки, засвистели пилы. Царь повелел выстроить «Комедийную хоромину» — просторную палату со сценой, отгороженной от зрителей занавеской, и особой «клетью» для царицы и старших царевен. Женщины следили за игрой актеров сквозь решетку, оставаясь невидимыми для публики, — порядки тогда были строгие, еще восточные.

Увы, царевна Наталья так ни разу и не побывала на отцовском спектакле. Она родилась в 1673-м, а уже через три года Алексея Михайловича не стало. Его преемник Федор Алексеевич приказал: «Палаты, которые были заняты на комедии, очистить, и что в тех палатах было, органы и перспективы (декорации) и всякие комедийные припасы, — все свезти во двор Никиты Ивановича Романова...» Труппа была распушена, и про «новую потеху» все позабыли.

Усадьба Коломенское. Театральная хоромина дворца царя Алексея Михайловича

Все, кроме юной Натальи. Девочка, наслушавшись баек мамок да нянек о чудном «театре» Алексея Михайловича, часами бродила по пустой Комедийной хоромине, разглядывала красные стены, обшитые самым дорогим, толстым сукном. Нарядные туфельки царевны, поднимая клубы пыли, ступали по мягкому зеленому ковру. Когда-то здесь гремели звучные голоса актеров, игравших королей и язычников; но теперь только случайные воробьи чирикали где-то под стропилами.

Не до театра всем сейчас было — в стране то и дело менялась власть. Кому интересны выдумки на сцене, если прямо у тебя в тереме творятся события, достойные пера древних драматургов: родственники гибнут от рук безжалостных стрельцов, мать заливается слезами, старшие братья оторопели от ужаса.

Страшные картины стрелецких бунтов по-разному повлияли на психику детей Алексея Михайловича. Наталья совсем притихла, стала покорной и запуганной. Петр же, наоборот, ожесточился до предела и поклялся всему миру отомстить за свое изломанное детство. Он возненавидел всех — кроме милой сестры Натальи.

Несостоявшийся жених Меншиков

Со временем у Петра все же появились друзья. Один из них — ровесник Натальи, сержант Преображенского полка, будущий светлейший князь Александр Данилович Меншиков. А в середине 1690-х он был простым Алексахкой, но при этом настоящим красавцем: «Высокого роста, хорошо сложен, худощав, с приятными чертами лица, с очень живыми глазами; любил одеваться великолепно и, главное, что особенно поражало иностранцев, был очень опрятен, качество, редкое еще тогда между русскими... Люди внимательные и беспристрастные признали в нем большую проницательность, удивлялись необыкновенной ясности речи, отражавшей ясность мысли, ловкости, с какою умел обделывать всякое дело, искусству выбирать людей», — рассказывает историк Сергей Соловьев.

Александр Данилович Меншиков (1673—1729) — ближайший сподвижник Петра I. На этом портрете он еще без парика и в русской одежде — мы видим длинный опашень с меховой отделкой, стеганный зипун, узорчатый кушак и красные сапоги из кожи хорошей выделки.

Но вскоре облик Меншикова кардинально изменится в соответствии с последней европейской модой

Эти трое очень сблизились. Им по двадцать с небольшим — и они поглощены желанием изменить мир, повернуть тяжелую старую Москву на Запад. Наталья грезит о европейском театре, мальчишки мечтали о европейской армии и технике. Компания почти не расставалась — вместе ездили в Немецкую слободу, вместе командовали потешным полком, вместе любовались фейерверками.

Историк Алексей Морохин пишет: «В отличие от других сестер царя, она тянулась к новым веяниям. Известно, что царевна открыто явилась в 1699 году на панихиду по умершему ближайшему соратнику Петра генералу Патрику Гордону, отпевание которого происходило в католическом храме. Наталья одной из первых русских дам надела открытое „немецкое“ платье и выучилась встречать гостей не поясным поклоном, а церемонным „приседанием хвоста“ — реверансом».

Тесная дружба в таком возрасте неминуемо приводит к любви. По некоторым сведениям, Алексашка всерьез вознамерился сделать Наталье предложение. Писатель Елена Майорова сообщает: «Меншиков метил выше. Первоначально его целью было породниться с Петром, жениться на Наталье Алексеевне. Но при первом же намеке на такую возможность Петр впал в бешенство. Фавориту пришлось оправдываться, делать вид, что он превратно понят. Однако Петр долго не мог успокоиться».

Петр I в Немецкой слободе (худ. А. Земцов, 1889)

Навряд ли Меншиков, при всей своей харизматичности, стал бы хорошим мужем для Натальи. По словам историка Соловьева, с самого отрочества «сержант Алексашка уже показывал страшное честолюбие... Выхваченный снизу вверх, Меншиков расправил свои силы на широком просторе; силы эти, разумеется, выказались в захвате почестей, богатства... У Меншикова и сотоварищей была страшная сила: потому они и оставили свои имена в истории; но где они могли найти сдержку своим силам?»

А «сдержки» у «птенцов гнезда Петрова» и правда не было никакой. Наталья не раз видела, как Петр бил Алексашку прямо по лицу, до крови; их застолья слишком часто переходили в непристойные гулянки; печальная судьба ждала женщин, попавшихся приятелям на пути. Не добившись успеха с Натальей, Меншиков избрал себе фаворитку в свите царевны; потом женился на ней, но изменял бесстыдно. Сомнительная честь в открытии Марты Скавронской — будущей императрицы Екатерины I — тоже принадлежит Алексашке; изначально Марта была его наложницей, а затем он передал ее Петру.

Итак, одна опасность Наталью миновала; но через два года над ней нависла новая угроза.

Несостоявшийся жених Карл XII

В 1700 году Петр сильно «оконфузился» под Нарвой. Он хотел отвоевать у Швеции Прибалтику и получить доступ к Балтийскому морю. Но ничего не вышло.

Историк Александр Брикнер сообщает: «Чрезвычайная быстрота движений юного короля шведского, его смелость и отважность доставили ему победу над русским впятеро сильнейшим войском. Битва началась в полдень 20 ноября; к вечеру все было решено в пользу Карла, постоянно подвергавшегося во время сражения крайней опасности».

Русские войска отступили с огромными потерями, 28-летний Петр был унижен, а 18-летний шведский король Карл XII стал героем Европы: «В разных странах сочинялись стихи, в которых восхваляли его мужество. Являлись и пасквилы, направленные против Петра... Рассказывали разные небылицы об отчаянии Петра после Нарвской битвы».

Карл XII (1682—1718) — король Швеции, главный противник Петра I в Великой Северной войне (1700—1721). Карла называли «шведским метеором» за скорость побед

Петр — растерянный, шокированный, уничтоженный — принялся хлопотать о перемирии. В те времена главным дипломатическим центром Европы был венский двор — австрийский император улаживал все международные конфликты. Петр отправил в Вену князя Голицына, который в 1702 году прислал из Австрии волнительное письмо:

«Король шведский здесь ищет и много, кому надлежит, обещал дать денег... Беспре- станно меня просят, чтобы вы приказали прислать персоны (портреты) сестры вашей, царевны Натальи Алексеевны, и брата вашего, царя Иоанна Алексеевича, дочерей. Здесь при дворе этого усердно желают, и не раз сама императрица говорила мне, что хочет как можно скорее видеть портреты; больше склоняются к царевне Наталье Алексеевне».

Таким образом, Петр встал перед выбором: отдать любимую сестру замуж за своего заклятого врага и прекратить войну; или же сестру не трогать и решать проблемы государства на поле боя. Брат выбрал второе. Но вряд ли из-за беспокойства о судьбе Натальи; Петр просто передумал сдаваться. Царь, с его непомерной гордыней, больше не мог терпеть насмешки всей Европы — и принял решение продолжать Северную войну.

Была бы Наталья счастлива с Карлом? Давайте посмотрим, что писал о шведском короле историк Казимир Валишевский: «Он принадлежит к дикому полчищу рубак... влачивших саблю из города в город, из села в село, сражаясь без отдыха, живя для войны и войной, старея и умирая в латах, среди воздуха, насыщенного убийством, с телом, покрытым ранами, с руками, запятнанными ужаснейшими злодеяниями, но с душой чистой и гордой». Очевидно, что тихой семейной жизни, о которой мечтала Наталья, с Карлом бы не получилось. Кстати, шведский король так никогда и не женился, династию продолжила его сестра.

Племянник вместо сына, декорации вместо замков

Царь не позволил сестре выйти замуж, но поручил ей воспитывать наследника престола: восьмилетний Алексей, сын Петра и его первой жены Евдокии, остался без присмотра, когда отец сослал мать в монастырь. Наталья оказалась доброй и ласковой тетушкой, защищала царевича от вспышек отцовского гнева, устраивала для Алексея душевные праздники. Например, весной мальчик просыпался под «вербным деревом». Как пишет историк-архивист Наталья Болотина, «для наряда вербы было использовано 2000 листов зеленых, причем 500 с одной стороны были позолочены, а 500 с другой — посеребрены... Дерево в комнатах цесаревича украшалось различными плодами и фруктами: 10 яблок наливу, 10 яблок скруту, мокве фунт с четью, изюму винных ягод отборных по 2 фунта, рожков полфунта, орехов грецких 100».

И только в 1707 году, когда Алексей подрос, у Натальи появилось время на занятие любимым делом. Она возродила театральные представления в отцовской Комедийной хороmine. Да и не только там — Наталья построила настоящий театр в Петербурге и сама сочинила две-три пьесы, по отзывам искусствоведов, «довольно хорошо обдуманных и не лишенных некоторых красот в подробностях». Ее «Комедия Олундина» стала прообразом «Сказки о царе Салтане» — это история о путешествиях героев по дальним странам, оставшихся для Натальи недостижимым миражом. Петр так и не удосужился показать своей милой сестре ту самую Европу, о которой они вместе столько мечтали в Преображенском.

Ботик Петра Первого (худ. Е. Войшвилло, 1989)

Развеселый крепостной театр «дикой герцогини» Екатерины Ивановны

Царевна Екатерина Ивановна (1691—1733) — дочь царя Ивана V Алексеевича и царицы Пасковьи Федоровны Салтыковой, старшая сестра императрицы Анны Иоанновны, племянница императора Петра I, в замужестве герцогиня Мекленбург-Шверинская

Слезы струились по лицу Катюшки. Впервые за долгие месяцы герцогиня плакала от смеха, а не от горя. Ганс Вурст, а по-русски Ганс Колбаскин, скакал по сцене, сверкая желтыми

шароварами, сыпал грубоватыми, но уморительными шутками, кидался в зрителей апельсинами из своего колбасного ранца, дурным голосом орал пародийные арии из опер, а под конец спрыгнул со сцены и стал притворно грозить герцогу кнутом. Эта часть Катюшке понравилась больше всего. Она хохотала до колик в животе, позабыв про все свои болезни и несчастья, коих было в последнее время слишком много.

Измайловская искорка

Катерина была самой бесшабашной племянницей Петра I. Отца своего, царя Ивана V, Катюшка почти не помнила, он скончался, когда ей было пять лет; дядя Петр стал для царевны непререкаемым авторитетом. Ослушаться его было делом немислимым. Впрочем, к своим племянницам Петр относился по-доброму и обеспечил им поистине райскую жизнь в Измайлове, в красивой старорусской усадьбе.

Как рассказывает историк Михаил Семевский, за царевнами ухаживало множество мамушек и нянек; девочки гуляли в тенистых садах, посещали хозяйственные заведения, стеклянный завод, славный своими изделиями; молились по церквям, забавлялись на прудах, которых насчитывалось до двадцати. Царевны пускали туда шук и стерлядей с золотыми сережками и сзывали рыб на корм по колокольчику. Столы в тереме ломились от кушаний. Царица Прасковья Федоровна, вдова царя Ивана, самолично подносила гостям вино в золоченых рюмках, угощала их пивом, медом и мочеными дынями.

Одно из немногих сохранившихся зданий на территории царской усадьбы в Измайлове

Мать души не чаяла в Катюшке, средней дочери. Старшая Анна была угрюмой и необщительной, младшая Прасковья не блистала ни умом, ни внешностью, да к тому же вечно сказывалась больной. Катюшка тоже не была красавицей — маленькая, пухлая, черноглазая, — но характер! Она вечно вертелась, болтала, хохотала, танцевала, шутила остроумно и невпопад, ее звонкий смех оглашал душные покои царского терема, скрашивал темные подмосковные вечера. Катерина была утехой, другом, поверенной всех тайн старушки-матери. Царица нередко обращалась через нее со своими просьбами к государю, и Петр редко отказывал обаятельной племяннице.

Замуж за «дикого герцога»

Но в главном вопросе дядя остался непреклонен — не позволил Катюшке самой выбрать жениха, выдал ее за старого герцога Карла Леопольда Мекленбургского, дважды разведенного и до крайности неприятного. «Дикий герцог», как называли его на родине, присваивал имущество своих подданных, недовольных бросал в тюрьмы без суда и следствия, прославился характером сварливым и непредсказуемым, а однажды, поссорившись с младшим братом, поджег его замок в Грабове, от чего выгорела половина города.

Герцог Карл Леопольд Мекленбург-Шверинский (1678—1747)

Однако с политической точки зрения брак этот был просто находкой для обеих сторон. Россия размещала свои войска на севере Германии, а взамен гарантировала Карлу мощную поддержку в его конфликте с местной аристократией, возненавидевшей деспотичного правителя. Петр был готов на все ради победы в затянувшейся войне со Швецией, а потому в апреле 1716 года усадил Катюшку в дорожный экипаж и повез ее в Данциг, на свадьбу с «диким герцогом».

Самое обидное, что расчеты Петра не оправдались. Карл условия свадебного договора не выполнил, при этом с новой женой обращался грубо и даже жестоко. Семейная жизнь в Ростоке, во дворце герцога, обернулась для Катерины пыткой. Рождение дочери ничуть не изменило чудовищный характер Карла. Катюшка притихла, разболелась; целыми днями только и делала, что писала жалобные письма матери.

Отдыхала душой она только на спектаклях придворного театра. Герцог, не жалея денег на развлечения, оборудовал сцену виртуозной машинерией. Море изображалось при помощи механизмов, крутивших валики с набегаящими волнами. Иногда даже лилась настоящая вода. На вечерах в Ростоке выступали знаменитые артисты, в том числе австрийский комедиант Йозеф Антон Страницкий, придумавший популярный образ Ганса Вурста — обжоры и хитреца, забияки и вместе с тем труса. Балаганный шут Ганс Вурст завоевал в Германии такую же известность, как Арлекин в Италии или Джек Пудинг в Англии.

Ганс Вурст и шарлатан на рыночной площади немецкого города (худ. Ф. де Паула Ферг, до 1740)

Но спустя пару лет семейной жизни даже проделки Колбаскина не радовали герцогиню. Думала она только о том, как уйти от ненавистного мужа. К счастью, дядя Петр оказался не

против развода — он полностью разочаровался в герцоге. И Катюшка, забрав маленькую дочь, в 1722 году вернулась в родное Измайлово.

Домашний театр

Оказавшись дома, Катерина сразу выздоровела, нашла себе нового возлюбленного — 20-летнего мичмана Михаила Белосельского, — и стала думать, чем себя занять. «А заведу-ка я себе такой же придворный театр, как у Карла», — решила герцогиня.

Катюшка взялась за дело чрезвычайно энергично. Набрала актеров из крепостных, приказала ремесленникам наколотить «одиннатцать рам камидианских еловых обитых холстом, выкрашены зеленою краскою». Самолично нарисовала эскизы костюмов. Парики взяла у знакомых голштинцев. А тут и любимчик Мишенька расстарался, выпросил у китайского посла, которого возил на морскую прогулку в Кронштадт, всякие интересности для театра: цветные шелка, причудливые шапки и белила с румянами.

Ох и трудно было справиться с доморощенными актерами! Один из них, выбранный на роль короля, накануне спектакля ходил по городу и собирал милостыню, за что пришлось назначить негоднику двести батоков. Зато как он играл потом, как играл! Вчерашний нищий перевоплотился в величественного монарха. Глядишь, так и до Ганса Вурста дорастет!

Катерина так гордилась своим театром, что не побоялась пригласить самых придирчивых критиков — немцев. Один из гостей, Фридрих Берхгольц, записал впечатления: «Во время представления меня забавлял подполковник Брюммер, которому спектакль решительно не нравился. Он не был еще так знаком с здешнею жизнью, как мы. В особенности его сердило, что занавес беспрестанно опускался и оставлял всех зрителей в темноте, а потому он несколько раз говорил мне на ухо: „Какая же это, черт, комедия!“ (Welch ein Hund von Comodie ist Das?), и я с большим трудом удерживался от смеха. Как в воскресенье, во время самой комедии, у меня украли из камзола табакерку, так в этот раз у господина фон Альфельда и у капитана фон Ильгена вытащили из карманов по шелковому носовому платку».

Память в Ростоке

Пока Катюшка подбирала пьесы для своего театра, ее бывший муж Карл Леопольд переживал не лучшие времена. Лишившись поддержки Петра, в 1728 году он потерял престол и прозябал в изгнании в Дёмице, где и скончался спустя девятнадцать лет. Тем временем, его брат Кристиан Людвиг, новый герцог Мекленбургский и большой любитель искусств, построил в Ростоке отдельное здание для придворного театра, где разместил портрет не только своего предшественника, но и главной поклонницы немецкой комедии — русской царевны Екатерины Ивановны.

Здание Придворного театра в Ростоке немного обветшало, но в целом смотрится симпатично

В зале проводятся концерты, небольшие спектакли и показы мод

Портрет Екатерины Ивановны и сегодня украшает Придворный театр в Ростове

Пестрая судьба принцессы Анны

Анна Петровна (1708—1728) — старшая дочь Петра I и Екатерины I, супруга Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, герцогиня Голштинская

Старшая дочь Петра I прожила на свете всего двадцать лет, но за это короткое время успела испытать такую бурю эмоций, что другим и за целый век не видать. У Анны Петровны было очень странное детство, необычная помолвка, а однажды она чуть не стала российской императрицей.

«Привенчанные» принцессы

Появление Анны на свет сопровождалось пересудами и горячими сплетнями. Девочка родилась 27 января 1708 года у служанки Марты Скавронской, которую Петр несколько лет назад вывез из Прибалтики и поселил в Преображенском. Все знали, что Марта — фаворитка государя, но все же он был женат на другой...

Впрочем, Петра ничто не могло смутить, и еще через два года Марта родила царю вторую дочь, которую назвали Елизаветой. В 1712 году государь решил раз и навсегда покончить с пустыми перешептываниями за спиной и обвенчался со своей возлюбленной. Марта стала Екатериной Алексеевной и переехала в Петербург. Отныне ее дочери жили во дворце и назывались принцессами. Однако росли девочки в нервной и противоречивой атмосфере.

Петр твердо решил дать им европейское воспитание и образование, которого был лишен сам. Для этого к детям были приглашены:

- гречанка Лавра Паликала — «дохтурица», ответственная за их здоровое физическое развитие;
- итальянка графиня Марианна Манияни — воспитательница;
- француженка виконтесса Латур-Лануа — гувернантка;
- немец пастор Иоганн Эрнст Глюк — наставник по общим вопросам;
- француз Стефан Рамбург — танцмейстер-виртуоз, обучавший принцесс хореографии;
- шведские няньки и мамки.

Таким образом, к подростковому возрасту Анна с Лизеттой свободно говорили на шести-семи языках, читали исторические книги и превосходно танцевали. Наиболее способной была старшая дочь. В восемь лет она сочиняла родителям длинные письма на немецком, подписываясь «Принцесса Анна», что бесконечно умиляло взрослых. Неграмотная мать диктовала своему секретарю ответ для дочери: «За прилежное учение высылаю тебе два алмазных перстня. Возьми какой больше понравится, а другой отдай сестре».

Обратная сторона жизни во дворце

При этом дети постоянно видели дикие картины придворных застолий и иногда попадали отцу под горячую руку.

Большой маскарад в 1722 году на улицах Москвы с участием Петра I и князя-кесаря И. Ф. Ромодановского (худ. В. Суриков, 1900)

Вот как описывает типичный царский обед камер-юнкер Берхгольц, прибывший в Петербург из Парижа: «Из ковша величиною в большой стакан, который подносит один из рядовых, должно пить хлебное вино за здоровье царя... Не помогают ни просьбы, ни мольбы: надобно пить во что бы то ни стало. Даже самые нежные дамы не изъяты от этой обязанности, потому что сама царица иногда берет немного вина и пьет... Находясь в постоянном страхе попасть в руки господ майоров, я боялся всех встречавшихся мне и всякую минуту думал, что меня уж хватают. Поэтому я бродил по саду как заблудившийся, пока наконец не очутился опять у рощицы близ царского летнего дворца... Воздух был там сильно заражен винными испарениями, очень развеселившими духовенство, так что я чуть сам не заболел одною с ними болезнью. Тут стоял один до того полный, что, казалось, тотчас же лопнет; там другой, который почти расставался с легкими и печенью; от некоторых шагов за сто несло редькой и луком; те же, которые были покрепче других, превесело продолжали пировать. Одним словом, самые пьяные из гостей были духовные, что очень удивляло нашего придворного проповедника Ремариуса, который никак не воображал, что это делается так грубо и открыто. Узнав, что в открытой галерее сада, стоящей у воды, танцуют, я отправился туда и имел наконец счастье видеть танцы обеих принцесс, в которых они очень искусны».

Петр страдал неконтролируемыми приступами ярости. Как-то раз, узнав об измене жены Екатерины, царь в бешенстве ворвался в комнату, где над книгами сидела дочь Анна, и метнул в портрет неверной супруги перочинный нож, с которым никогда не расставался. Лезвие

мелькнуло над самой головой Анны. Девушка взвизгнула и укрылась от удара за столом. Император молча вытащил из стены нож, развернулся и вышел из комнаты, с силой захлопнув дверь.

Петр Великий (худ. С. Кириллов, 1984)

Но такие случаи были редки. Петр любил дочерей, гордился ими, и они отвечали ему взаимностью. Анна говорила сестре: «Если бы был у меня жених такой, как батюшка, уехала бы я с ним хоть в Гольштинию, хоть на край света!»

Две сестры — веселушка и умница

Сестры выросли очень разными. Младшая Елизавета была непослушной блондинкой, темпераментной и не слишком способной. Больше всего на свете ее интересовали платья, украшения и танцы. Анна же унаследовала темные кудри отца, его высокий рост и феноменальную сообразительность... Но не взрывной характер.

Голштинский министр Бассевич так отзывался о ней: «Анна Петровна походила лицом и характером на своего августейшего родителя, но природа и воспитание все смягчили в ней... Взгляд и улыбка ее были грациозны и нежны. Она имела черные волосы и брови, цвет лица ослепительной белизны и румянец свежий и нежный, какого никогда не может достигнуть никакая искусственность... К всему этому присоединялись пронизательный ум, неподдельная простота и добродушие; щедрость, снисходительность, отличное образование и превосходное знание языков».

Прусский посланник фон Мардефельд отмечал, что цесаревна экономна и начитанна, а «обращение ее чуждо всякого жеманства, во всякое время ровное и более серьезное, чем веселое... Я не думаю, чтобы в Европе нашлась в настоящее время принцесса, которая могла бы поспорить с ней в красоте, а именно в величественной красоте».

Иностранные дипломаты все чаще упоминали Анну в своих донесениях как наиболее вероятную наследницу престола. К 1724 году в выборе Петра не сомневался никто... Кроме самого царя. Отец не сразу разглядел способности принцессы. А когда разглядел, было уже поздно.

Почти императрица

Поначалу Петр вообще не рассматривал дочерей в качестве преемниц. Царь был одержим идеей выдать их замуж за каких-нибудь иностранных принцев и тем самым породниться с настоящей европейской аристократией. До сих пор никому из Романовых это не удавалось, хотя попытки такие были.

А тут к Петру сам пожаловал племянник шведского короля — молодой немецкий герцог Карл Фридрих, у которого датчане отняли его богатый Шлезвиг. Карл надеялся, что русский царь поможет ему получить Шлезвиг обратно, а Петр подумал, что было бы неплохо сблизиться со шведским королем ради налаживания дипломатических отношений после долгой войны. Словом, династический союз был выгоден всем — и, как ни странно, жених даже понравился Анне.

Герцог Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский (1700—1739) — племянник шведского короля Карла XII, отец Петра III, родоначальник всех последующих российских императоров

Во многих источниках упоминается, что Карл не представлял собой ничего особенного. Был он слабохарактерным, любил дорогие напитки и светские развлечения. Но при этом жених вел себя просто очаровательно: отпускал комплименты будущей теще, слушался царя во всем и красиво ухаживал за Анной. Герцог подплывал к окнам принцессы на лодке под аккомпанемент валторны, танцевал с невестой менуэты на знаменитых петровских ассамблеях, запускал фейерверки в ее честь. Принцесса быстро привыкла к жениху и, видимо, решила, что бывают мужья и похуже.

Петр заключил брачный договор с герцогом, согласно которому Карл не имел прав на российский престол, а вместе с ним отрекалась от власти и Анна. «Однако если в этом браке родится сын, — заявил царь, — он станет моим наследником».

Но государь не дожил даже до свадьбы дочери, не то что до рождения внука. Он скончался в день рождения Анны. По мнению некоторых исследователей, в последний момент Петр решил назначить императрицей именно старшую дочь — но просто не успел этого сделать. Как сообщает историк Евгений Анисимов, «смерть отца потрясла Анну так, что во время панихиды она чуть не сгорела: девушка так низко склонилась в молитве, что от стоявшей перед ней свечи загорелся ее траурный головной убор, который окружающим удалось тотчас сорвать с ее головы».

Почти счастлива в семейной жизни

Трон получила мать Анны, Екатерина I. Не теряя времени даром, императрица устроила старшей дочери долгожданную свадьбу.

Теща, души не чаявшая в герцоге, допустила его к решению важных государственных вопросов. Анна также получила заметное влияние при дворе — мать-императрица доверяла ее уму и знаниям.

Но уже через пару лет императрица Екатерина скончалась, трон перешел Петру II, малолетнему племяннику Анны (внуку Петра I от старшего сына Алексея), а герцога с герцогиней выдворили из страны, чтобы не мешали новой власти. А вот младшая сестра, блондинка Елизавета, осталась в России; она была слишком легкомысленна, чтобы представлять опасность для юного государя Петра II.

Жизнь Анны в немецком Киле сложилась печально. Герцог, оказавшись на родине, забросил все дела, забыл про жену и пустился в различные увеселения и забавы вроде катания на санях с придворными дамами. Анна же готовилась к рождению сына. Появление на свет наследника стало для герцога поводом устроить еще более грандиозные торжества. Он писал: «Я был вне себя от восторга и приказал возвестить об этом счастливом событии городу с его окрестностями звуками труб и литавр, колокольным звоном и пушечною пальбою».

Открытка с видом на гавань Киля (1906)

Тем временем, герцогиня никак не могла оправиться после родов. Да еще и сильно простудилась, любуясь у окна фейерверком в честь рождения сына. Через месяц принцессы Анны не стало. Только тут Карл опомнился. Как пишет историк Алексей Морохин, «сам герцог с горя заболел и покинул Киль, отправившись в один из своих замков, и впоследствии никогда не мог вспоминать без слез умершую супругу».

Через 13 лет в результате дворцового переворота императрицей — неожиданно для всех — стала веселая блондинка Елизавета Петровна. А еще через 21 год на российский трон воз-

шел сын Анны — Карл Петер Ульрих, он же — император Петр III. Именно его потомки правили Россией до самой революции 1917 года.

Будущий император Петр III Федорович вырос без матери, а в 11 лет потерял и отца

Почти Ромео и Джульетта — Александр Меншиков-младший и великая княжна Наталья

Великая княжна Наталья Алексеевна (1714—1728) — дочь царевича Алексея Петровича и Шарлотты-Софии Брауншвейгской, сестра императора Петра II

Сестра императора Петра II была «дурна лицом», но ее мудрый взгляд завораживал. Увы — в женихи Наталье достался избалованный княжич, не способный оценить ее истинную красоту. А когда юноша прозрел — его невесты уже не было на свете... Великая княжна, добрая и

рассудительная, была достойна трона гораздо больше, чем ее младший брат Петр. Но несправедливая судьба не дала Наталье ни власти, ни семьи, ни здоровья.

Тяжелое детство

Несчастливы были в браке родители Наташи и Пети — царевич Алексей, нелюбимый сын Петра Великого, и принцесса Шарлотта Брауншвейг-Вольфенбюттельская, эмоциональная и впечатлительная племянница польского короля. Их союз был выгоден для большой политики — но для молодых супругов представлял собой одну большую катастрофу.

В 1714 году Шарлотта писала родителям в Германию: «Один Бог знает, как глубоко меня здесь огорчают, и вы усмотрели, как мало внимания и любви у него ко мне. Я всегда старалась скрывать характер моего мужа, сейчас маска против моей воли спала. Я несчастна так, что это трудно себе представить и не передать словами, мне остается лишь одно — печалиться и сетовать. Я презренная жертва моего дома, которому я не принесла хоть сколько-нибудь выгоды, и я умру от горя мучительной смертью. Бог знает, как обстоят дела с моей беременностью, я опасаясь, что это не только следствие болезненного состояния здоровья».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.